

Т.Н. Заднепровская

Из воспоминаний дочери

Случайно мне на глаза попала выдержка из книги Льва Тимофеева «Я – особо опасный преступник». Это протоколы задержания, допросов и описания жизни в тюрьме и лагере. И мне захотелось записать, что я помню об аресте отца и все, что связано с этим трагическим событием.

Арест Николая Петровича Вагнера.

Его арестовали в ночь на 1 ноября 1937 г. Я лежала больная – у меня была скарлатина. Тогда эта болезнь считалась очень опасной и меня должны были положить в больницу. Но папа добился отмены, я лежала дома. А сосед немец-пекарь по фамилии Мусс находился из-за карантина в неоплаченном отпуске, и отец ему его оплачивал.

Итак, ночью я была разбужена шумом, всюду горел яркий свет, в соседней комнате слышались чужие мужские голоса. Я лежала тихо, никого не звала.

В комнату быстро вошла мама, лица ее я не помню, и быстро сунула мне в постель сумочку, в которой были золотые вещи: кольца и т.д.. Видимо, я все понимала.

Папа захотел со мной проститься, но его одного в комнату не пустили (как потом объяснила мне мама), он не захотел меня пугать. Он ласково, лицо было спокойное, помахал мне рукой. Из-за положения двери и моей постели, я могла видеть только его отражение в зеркале шкафа, который и по сей день хранит на своей зеркальной поверхности наше прощание. Больше его видеть мне не довелось.

Начались дни одинокого лежания в постели, мама была в бегах. Мне объявили, что положат в больницу. Я начала хныкать и плакать, вернее, подвывать (очень противно) и совершенно не думала, каково маме. Иногда заходила бабушка Ольга Михайловна, но ей было не до меня. С Тучковой набережной ко мне не приходили, т.к. боялись заразы, Лев не болел скарлатиной.

(Наконец, меня отвезли в больницу Веры Слуцкой в карете Скорой помощи, там я пролежала положенное время, меня обрили. Форма заболевания у меня была легкой.)

Пока я лежала дома, был звонок «оттуда». Говорил папа. Ему позволили позвонить, справиться о моем здоровье.

Этот звонок всех взбудоражил, его по-всякому комментировали. Я его тоже запомнила на всю жизнь. И став взрослой, понимала, какую цену он заплатил за этот последний звонок.

Он мне вспомнился, когда я в Большом Доме читала чистенькие, явно подчищенные протоколы допроса. Папа со всем соглашался, на каждой странице была его подпись. Он не был борцом, был не очень здоровым человеком, был немолод (дедушка родился в 1888 г. и ему было всего 49 лет – А.З.), и все его мысли были о семье – как бы не повредить, не осложнить нашу жизнь.

(У меня тоже сложилось впечатление, что дело подчистили. Ход процессов в 1937 г. был идеально отлажен, от подследственного ничего уже и не требовалось, все было предрешиено... 1 ноября 1937 г. арест, 8 января 1938 г. – расстрел... Только от страницы к странице подпись становилась все хуже и неразборчивее... К счастью, в деле не было фотографии. Говорили, что по желанию, эти фотографии отдают родным.- А.З)

Мама металась – нужно было ходить за сведениями в Большой дом. В то время считалось, что нужно было писать просьбы–заявления (не знаю, как они назывались)

сильным мира сего. Например, помню разговор о том, что Ворошилов хороший, добрый человек и может помочь. Он кому-то помог. Мама ему писала... Вообще тогда считалось, что нужно только знать, к кому обратиться. С изумлением я прочитала, что уже в 1950-ые гг. Л.Н. Гумилев, зная все не понаслышке, обвинял Анну Андреевну, что она обращалась с просьбами не к тому, кому следовало.

Наконец был вынесен приговор: десять лет без права переписки. Тогда еще не знали, что это означает.

А ей самой было дано предписание – административная высылка в Башкирию на пять лет. Квартиру нужно было освободить. Две большие комнаты хорошо и со вкусом обставленные. Нужно было все продать, т.к. денег не было. Тогда хорошо продавались вещи в комиссионных магазинах, т.к. все, что было на прилавках, было убого. Комната бабушки Ольги Михайловны было сплошь заставлена, часть вещей была перевезена на Тучкову набережную, часть была отдана для продажи знакомым и родственникам.

Мама не успевала, а день отъезда был назначен незадолго до Татьянинного дня. Помню, что приходили помогать собираться «девочки Семеновы». Последнюю ночь перед отъездом, который был просрочен, она ночевала у Шапировых. Мужественный поступок, который я помню и ценю.

При прощании, оно происходило на Тучковой набережной, никто не плакал (явно), у меня стоял комок в горле, но я крепилась. Лев потом обвинил меня в бесчувственности. Надо сказать, что никаких истерик, слез и причитаний у нас в семье не было.

Я жила в семье маминой сестры – Нины Федоровны и бабушки Прасковьи Михайловны, которые меня очень любили. Также я чувствовала любовь дяди Феди – маминого брата Федора Федоровича Парланд. Не могу сказать, что я тосковала. На Тучковой наб. было веселее, чем на 12 линии... В доме постоянно была молодежь – Лева, его друзья, его невеста мура. Часто бывали гости. Мои родители жили более замкнуто.

Понимала ли я, что произошло с моей семьей. Видимо, понимала.

Помню звонок Надюши (Надежды Александровны Шапировой-Дмитриевой) и ее сдержанный, но спокойный голосок: «Папа заболел той же болезнью, что и твой». Я пошла к тете Нине и сказала, что Александр Борисович арестован. Тетя Нина испуганно спросила, откуда мне это известно. Я объяснила.

Война и ограничения с въездом в Ленинград задержали маму до 1946 г (в ссылке - А.З.) Я к тому времени кончила вечернюю школу, все время работая, и поступила в Университет. При заполнении анкеты при вступлении я скрыла, что отец репрессирован, («что я дочь «врага народа») такой пункт был в анкете. Слава Богу, никто не поинтересовался, девочка блокадница, награжденная медалью «За оборону Ленинграда», хотя и имевшая очень подозрительную немецкую фамилию.

Я нигде, никогда не старалась привлечь к себе внимание в Университете, не выступала на собраниях, в общественной жизни не участвовала, и меня не замечали. Мне казалось, что все забыто., но ... Когда, после окончания университета, мне профессор М.И. Артамонов, зав. кафедрой археологии, предложил вакансию – место в архиве НКВД (1951 г.), я с испугом наотрез отказалась.

В поисках сведений о моем деде Петре Николаевиче Вагнере, мой сын, Михаил, просматривал домовые книги, и в них не было записи о деде, но были записи об отце, о его дочери Татьяне и против графы об отце была отметка, что он арестован.

Но как мне теперь ясно, в Большом доме архивы были в порядке, и найти сведения об отце было очень просто. (Мама мне рассказывала и другую историю, о своей попытке устроиться на работу в Военно-морской музей – там ее анкета не понравилась и ей было отказано – А.З.)

Повторяю, я никогда ни в чем не подозревала отца, правильно расценила его звонок в ноябре 1937 г. и знала, что его нет в живых. Во всяком случае, блокаду он пережить не мог.

У мамы иногда появлялась надежда на его возвращение и она меня спрашивала, возможно ли это. Я всегда отвечала отрицательно.

Меня также удивило ее предположение, что отец был в чем-то замешан и из-за этого пострадал. Я это отрицала. В эти годы 1948-1949 опять началась компания по поиску врагов – Ленинградское дело, затем дело врачей, борьба с космополитизмом ... ксенофобия...

Документы:

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
И-ЮБ № 050045

Гр. Вагнер Николай Петрович
умер (иа) 8 апреля 1957 г.
возраст 54 года
Причина смерти инфаркт миокарда
19 57 года апреля месяца 8 числа
произведена соответствующая запись за № 95
Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край _____
республика _____
Место регистрации: г. Ленинград
район Василеостровский
Место регистрации: 10-й сентябрьский 19 57
Исполнитель бюро записей актов гражданского состояния Сейсвап

ПОВТОРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Вагнер Николай Петрович
умер(ла) 08 апреля 1957 года
месяца апрельского
тридцатипяти восьмого
в возрасте 49 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 57 года сентябрь месяца 05 числа
произведена запись за № 95
Причина смерти: Рассстрел
Место смерти: город, селение Ленинград
район _____
область, край _____
республика _____
Место регистрации: Отдел ЗАГС Василеостровский районной администрации Мирового района г. Ленинграда
10 февраля 1955
И-АК № 294106 МП. 1993

Исп. вх. № _____

**ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА**
22 мая 1958 г.
№ 749
Ленинград 55, Герцена 1

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина ВАГНЕРА Николая Петровича, 1888 года рождения, уроженца города Ленинграда, арестованного 1 ноября 1937 года, работавшего до ареста ассистентом кафедры физики в Гидрографическом институте Севморпути в гор. Ленинграде, - пересмотрено военным трибуналом Ленинградского военного округа 14 апреля 1958 г. Постановление от 4 января 1938 года в отношении ВАГНЕРА Н.П. - ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Гр-н ВАГНЕР реабилитирован посмертно.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ ЛЕН ВО
полковник юстиции
/АНАНЬЕВ/- Ананьев

Зак. 57-76 Г-329357-у 28 3 67 г. л

